

Философия после теории. Трансдисциплинарность и новое

ПИТЕР ОСБОРН

Профессор современной европейской философии, факультет искусств и социальных наук, Кингстонский университет (KUL). Адрес: Penrhyn rd, KT1 2EE Kingston upon Thames, Surrey, UK. E-mail: p.osborne@kingston.ac.uk.

Ключевые слова: теория; критика; самодостаточность; трансдисциплинарность; новое; темпоральность.

В статье описывается историческое развитие «Теории» (критической теории) в двух ее версиях — французской и франкфуртской, а также их истоки, происхождение и причины разделения, дискуссии, происходившие внутри каждой из них. Автор анализирует рецепцию французской интерпретации «Теории» в англо-американской мысли третьей четверти XX века, трансформацию «теории» в результате этой рецепции, а также отвержение теорией доктринальности, вылившееся в ее антитеоретичность. Кроме того, рассматривается оппозиция «Т/теории» и дисциплинарности и осуществленное немецкой школой возрождение марксизма как критики. Постулируется, что и французская, и немецкая линии критической теории, отталкиваясь от марксизма, пришли к философии, но разными путями. Несмотря на это, автор выделяет ряд общих для франкфуртской и французской критических теорий черт: подозрение к самодостаточности

философии, ориентация на анти-, меж- и трансдисциплинарные объекты, открытость по отношению к тексту, критическое отношение к сложившимся формам западных капиталистических обществ и трансформированный рационализм.

Во второй части статьи рассматривается проблема «нового» («Как помыслить „новизну“ нового?») и подходы к ней в рамках критической теории. Автор тематизирует связь проблемы «нового» с философией истории и философией времени, а также противопоставлением постгегельянской и антигегельянской философских традиций. Анализируется взаимоотношение утверждения нового, утвердительного модуса отрицания («деструкции») и отрицания старого, а также исторические (философия о нефилософском опыте и исходя из него) и концептуальные (обновленное исследование сходств между Гегелем и Ницше) импликации этой проблемы.

В КАКОМ смысле что-то называется «теорией»? И каким образом характер ухода этого нечто мог бы открыть пространство для его обновления? Поначалу эти вопросы кажутся ограниченными и устаревшими. С «теорией» не покончено, она лишь утратила недолгое и исключительно институциональное господство. Это господство распространялось на отдельные дисциплинарные области в англоязычных гуманитарных науках времен их героического «французского» периода (1975–1995 годы), в первую очередь — на разнообразные литературные исследования¹. Но ограничивать этот эпизод прошлым — значит идти на поводу у моды. Ставкой в борьбе вокруг «теории» являются фундаментальные проблемы, восходящие к немецкой философии последнего десятилетия XVIII века. Эти проблемы не только сохраняют свою актуальность сегодня, но и приобрели новую значимость, причем не просто по причине выгоды, связанной с глобальной экспансией англоязычной академической издательской индустрии. («Теория», конечно, является и маркетинговой категорией².) Эти проблемы касаются среди прочего возможностей и способов познания целого — тотальности условий, относящихся к опыту: этот вопрос вновь стал актуальным из-за растущего мирового доминирования единственной экономической системы. Сегодня он отчасти представляется и вопро-

Перевод с английского переводческой группы *Cube of Pink* (философский факультет МГУ) по изданию: © *Osborne P. Philosophy after Theory: Transdisciplinarity and the New // Theory after "Theory" / J. Elliott, D. Attridge (eds). L.: Routledge, 2011. P. 19–33.* Публикуется с любезного разрешения автора.

1. *Cussett F. French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co Transformed the Intellectual Life of the United States / J. Fort (trans.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.*
2. Как часть этого рынка, «французская теория» даже поставляется обратно во Францию — ироничный импорт «обновленного» себя как другого (*Alizart M., Kihm C. Fresh Theorie. P.: Editions Leo Scheer, 2005; Alizart M. et al. Fresh Theorie II: Black Album. P.: Editions Leo Scheer, 2006*). Сегодня философ во Франции должен циркулировать по англоязычным академическим сетям, чтобы стать «французским философом» даже в неанглоязычных регионах, таких как Южная Америка и Юго-Восточная Азия.

сом о возможности и способах познания себя (старый сократовский вопрос) как субъекта капиталистических социальных отношений — отношений, в которые вписано непрекращающееся производство как нового, так и кризиса³. Чтобы увидеть, как это может быть связано с судьбой и перспективами «теории» в англоязычных гуманитарных науках, было бы полезно начать с краткого обзора двух основных традиций теории, обсуждаемых в этих дискуссиях.

Теория, время которой предположительно прошло, становится известной в 1970-е годы как «высокая теория», «теория с заглавной буквы Т» или (что более спорно, но во многом и более нейтрально) как «критическая теория». *Высокая* теория — по аналогии с использованием слова «высокий» в англиканской церкви и арт-критике (то есть подразумевающая особое сочетание ритуала, универсализма и исключительности); теория *с заглавной буквы Т* — благодаря введению в оборот заглавной буквы Луи Альтюссером; *критическая* теория — по более разнообразным причинам, но в основном — посредством захвата институционального пространства литературной критики (в сочетании с сильной склонностью к социальной критике). Множественность коннотаций указывает на разнообразие источников поля. В словосочетании «высокая теория» одновременно зашифрованы иерархическое церковное обозначение и метафорическая высота абстракции, что позволяет придать этой абстракции социальный и интеллектуальный *авторитет*. «Теория с заглавной буквы Т» расширяет теологическую метафору (от Бога к Теории), опираясь на философское наследие немецкого идеализма. Делается это путем обращения к характерной для английского и французского языков архаичной практике перевода его центральных понятий существительными, которые записываются с заглавной буквы. Тем самым понятия реифицируются и превращаются в имена собственные: *Дух, Понятие, Идея* и т. д. Посредством первой заглавной буквы *Теория* позиционирует себя в качестве преемника этих категорий. Случай «критической теории» более двусмысленный: ее институциональное преимущество предполагает переход от теории к практике в рамках самой теории, а значит, и в рамках образовательных практик академии. Именно это впоследствии послужило почвой для так называемых культурных войн, вспыхнувших на волне расцвета теории в США; они велись не только ме-

3. Osborne P. A Sudden Topicality: Marx, Nietzsche and the Politics of Crisis // Radical Philosophy. 2010. Vol. 160. P. 19–26.

жду левыми и правыми, но и среди самих левых (в первом случае конфликт разгорелся вокруг политического содержания образовательных практик, во втором — вокруг политической значимости проблем культуры).

Выражение «критическая теория» более содержательно, чем его популярные синонимы. Но зачастую это сильно сбивает с толку, так как сегодня большая часть французских работ, обычно отождествляемых с «критической теорией», использует понятие «наука» если не как прямо противостоящее философскому понятию «критики», то как находящееся с ним в напряженных отношениях. Это касается структурализма, в особенности его марксистских вариантов⁴. Кроме того, другая важная составляющая (часть хайдеггеровского наследия, в особенности деконструкция) была разработана в явной оппозиции требованиям теории в ее классическом смысле⁵. По крайней мере в этом отношении «критическая теория» действительно функционировала в англо-американских академических кругах 1980-х годов лишь как имя разнородного собрания французских или написанных под французским влиянием теоретических работ — обозначение ряда мыслителей, отвечающих на общую ситуацию, но имеющих зачастую прямо противоположные интеллектуальные проекты.

Однако в то же время «критическая теория» была давно устоявшимся обозначением совершенно иной традиции — немецкой, впервые осознавшей себя в середине 1930-х годов и продолжавшей существовать в качестве таковой вплоть до 1990-х годов: речь идет о Франкфуртской школе критической теории, связанной с Институтом социальных исследований⁶. Это часто сбивающее с толку совпадение имеет и благоприятную сторону: оно наводит на мысль о возможности общих для обеих традиций черт, имеющих более глубокие истоки. Это позволяет нам задать вопрос о том, что именно было преодолено в ситуации, определенной как «после теории», с точки зрения несколько более общей, чем обычно. Главное, что объединяет эти традиции, — идея, что они превзошли или по меньшей мере вытеснили «философию» в ее нововременном дисциплинарном смысле.

4. *Dosse F., Glassman D.* History of Structuralism: In 2 vols. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

5. *Gasche R.* The Honor of Thinking: Theory, Philosophy, Criticism. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007.

6. *Wiggershauss R.* The Frankfurt School: Its History, Theories and Politics. Cambridge: Polity Press, 1994.

Теория после философии: две традиции

Во Франции «теория» оказалась результатом, с одной стороны, концептуальных разработок в науках о человеке (структурализм/ постструктурализм), а с другой — марксистской критики философии. Известно, что Альтюссер использовал термин *Théorie* с заглавной буквой *T* для краткого обозначения того, что прежде он называл марксистской философией (а именно «теории теоретической практики»). Это позволило «оставить термин *философия* для идеологических философий» — в соответствии с поставленным Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «Немецкой идеологии» диагнозом философии как имеющей идеологический характер *per se* («самодостаточная философия»)⁷. Это несовместимое сочетание идеи исторического материализма как общей теории практик (выведенной из шестого пункта «Тезисов о Фейербахе» Маркса) с неокантианской концепцией философии как второпорядковой рефлексии науки («теоретические практики») было характерно для действительной практики теории, которая происходила из привилегированных дисциплинарных областей: лингвистики (Фердинанд де Соссюр), антропологии (Клод Леви-Стросс), психоанализа (Жак Лакан), истории мысли (Мишель Фуко) и литературы (журнал *Tel Quel*). Именно это своеобразие понятия «теория» показывает его внутреннюю связь с традиционными устремлениями философии. Однако она стремилась к общей научности не-«философского» (и прежде всего решительно не-гегельянского) толка, связанной с рационализмом французских исследований в области истории науки⁸.

Если французские мыслители и доминировали в теоретических разработках англоязычных гуманитарных наук начиная с середины 1970-х годов, то в основном благодаря сильнейшему «постфилософскому» кодированию философских аспектов их работы. То есть в утонченно-диалектическом смысле интеллектуальная продуктивность европейской философской традиции в основном ограничилась областями вне дисциплинарного поля самой философии. Есть несколько условий, делающих такую ситуацию

7. Althusser L. Remarks on the Terminology Adopted // Idem. For Marx. L.: New Left Books, 1977. P. 162; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Избр. соч.: В 9 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 2.

8. Lecourt D. Marxism and Epistemology: Bachelard, Canguilhem and Foucault. L.: New Left Books, 1975.

возможной, не последние из которых — несоответствие собственной аналитической философской традиции остальным гуманитарным наукам и внутренняя философская проблематичность дисциплинарной автономии самой философии. На самом деле признание этой проблематичности (противоречие между унаследованным стремлением к абсолютной универсальности и дисциплинарной обособленностью) является в большей или меньшей степени условием самой философской современности (*modernity*). Поэтому она принимает разные формы. Однако, поскольку «Теория» (с заглавной Т) обычно усваивалась в англо-американской рецепции французской мысли 1970-х годов в *не*-марксистской форме, она была склонна обходить сложное отношение этой мысли к европейской философии (вместо того чтобы прояснять его, как то предписывали работы Альтюссера). Это сделало возможным ничем не сдерживаемое насыщение обширных трансдисциплинарных полей общетеоретическими категориями, конечный статус которых был неясен: будь то «текстуальность» общей семиотики, «дискурсы» фукианского историзма или «топографии» метапсихологии Лакана.

В результате в своем англосаксонском облики «теория» стала в основном либо прагматической, либо деконструктивной, то есть либо сверхдетерминированной специфическим (часто политическим) применением, либо отмеченной рефлексивной дистанцией по отношению к метафизическим притязаниям, признанным скрытыми в ее концептах, либо тем и другим сразу. Иными словами, «теория» стала в определенном смысле анти-теоретичной, поскольку прежде «теория» внутри философии связывалась с метафизикой или, шире, учением (*Lehre*). «Теория» отвергла доктринальность; отсюда ее иронично диалектическое отождествление с тем, что обернулось «против» нее самой в американских академических кругах в середине 1980-х годов. Будучи преобладающим философским режимом англо-американской интеллектуальной жизни, прагматизм стал философским бессознательным постмарксистских литературных и культурных исследований⁹. Однако к началу 1990-х годов, когда потерпели крах левые политические культуры, ориентировавшиеся на академических интеллектуалов 1970-х и 1980-х годов, прагматическая направленность теории ста-

9. Osborne P. Philosophy in Cultural Theory // Idem. Philosophy in Cultural Theory. L.: Routledge, 2000. P. 1–19; Idem. “Whoever Speaks of Culture Speaks of Administration as Well”: Disputing Pragmatism in Cultural Studies // Cultural Studies. 2006. Vol. 60. № 1. P. 33–47.

ла, с одной стороны, еще более символической («культурные войны»), а с другой — все более индивидуалистической и зависимой от желания¹⁰. Поскольку теория все больше становилась товаром, а имя автора — брендом, ее рецепция стала поддаваться овеществлению и раз за разом — превращению в товар. В то же время все более проблематичным становилось отречение от философии, сопровождавшее забвение критики, которое во многом было конститутивным для теории в контексте французской мысли. Это стало особенно заметно, когда явно философские по своему характеру сочинения Эммануэля Левинаса и Жюль Делёза оказались подчинены тем же дискурсивным условиям. В этих условиях они часто искажались (и продолжают искажаться) из-за их прагматического использования. Реакцией на эту ситуацию стал отказ от «Т/теории» (и с заглавной, и с маленькой буквы) и возвращение к дисциплинарности (а вместе с тем и к «старому» историзму, и к эстетике) в гуманитарных науках. В то же время в дискурсивном пространстве Теории начинает накапливаться напряжение, требующее переоценки добродетелей философии. В англо-американской рецепции традиции французской теории актуальным эмпирическим ответом на вопрос «Что такое теория (в англоязычных гуманитарных науках) после „Теории“?» теперь, скорее всего, окажется «Философия».

Этот поворот к философским эталонам в теоретической работе гуманитарных наук (зачастую обращение к *цитированию* философских сочинений как подмене теоретической работы) — во многом поворот к тому, что Маркс называл «самодостаточной философией», философией в ее классическом нововременном смысле. Она приняла две основные антагонистические формы: квазилевинасовская и прочие постдерридианские формы «этики» (сближение тематики с постаналитическим мейнстримом либеральной политической философии), с одной стороны¹¹, а с другой — полноценная метафизика в исполнении Жюль Делёза и Алена Бадью¹². Таков

10. *Dollimore J. Wishful Theory and Sexual Politics // Radical Philosophy. 2000. Vol. 103. P. 18–24.*

11. См., напр.: *Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. L.: Verso, 2004; Critchley S. Infinitely Demanding: Ethics of Commitment, Politics of Resistance. L.: Verso, 2007.*

12. *Osborne P. Neo-Classic: Alain Badiou's Being and Event // Radical Philosophy. 2007. Vol. 142. P. 19–29.*

Рецепция этих мыслителей слишком всеобъемлюща, чтобы можно было выделить какие-то отдельные тексты. Стоит отметить, однако, что это обеспечивает контекст для распространения философии Жижека благодаря тому, как он вписал в это поле свой собственный бренд гегель-

ироничный итог основной англосаксонской траектории «французской теории» сегодня. Он представляет собой более или менее полный отказ от эпистемо-критических проблем 1960-х и 1970-х годов¹³. Эта традиция «теории» заплатила за свое отречение от философии (забвение стратегий ее критики) поздним философским воздаянием¹⁴. А что случилось с ее немецкой родственницей?

янского лаканианства — в полемической форме нового «картезианства» (Жижек С. Щекотливый субъект. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014; Žižek S. *Organs Without Bodies: On Deleuze and Consequences*. N.Y.: Routledge, 2004). Жижек тактически колеблется между теорией и философией, разыгрывая «философию» (Гегель) против «теории» и «теорию» (Лакан) против «философии». Это постоянное тактическое маневрирование, характерное для его работ, перформативно размещает их внутри более узко прагматической группы прагматического мейнстрима.

Что касается Жюли Делёза, то важно отличать его классическую философскую работу (будь она интерпретативной или конструктивной) от изощренных и экспериментальных по своему характеру книг, написанных совместно с Феликсом Гваттари. Впрочем, в номинально написанной в соавторстве работе (Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998) восстанавливается классическое современное дисциплинарное деление на «философию», «науку» и «искусство».

Теоретическая сторона феминизма («французский феминизм» как часть «французской теории») имеет более сложную траекторию, отчасти из-за рецепции его матерей-основательниц (Юлия Кристева, Элен Сиксу, Люс Иригарей) через призму категории письма (*Écriture féminine*). Тем не менее в истории рецепции можно различить движение от психоаналитически ориентированных форм теории (прежде всего, Кристева) к более метафизическим версиям полового различия (Иригарей) и «женщины» (делёзианское «становление-женщиной» у Розы Брайдотти и др.).

13. Частичным исключением из этого правила является Жак Рансьер, который во многих отношениях остается политизированным постфукианским историком «систем мысли». Однако его англоязычная рецепция сфокусирована прежде всего на его «эстетике» в ее строгом отличии от предшествующей дисциплины «теории искусства». В качестве таковой она в определенном смысле представляет собой опосредованный возврат к классическому современному философскому полю. Политическая мысль Рансьера также в значительной степени опирается на классические философские источники (*Ranciere J. On the Shores of Politics / L. Heron (trans.). L.: Verso, 1995*), но отличается от этих источников, раскрывая их в контексте теории субъективации. В этом отношении она сопротивляется доминирующей в Соединенных Штатах тенденции размещать Фуко и его наследие в расширенном поле либеральной политической философии. Не столь очевидно, распространяется ли это сопротивление на его эстетику.

14. Квентин Мейясу и так называемые спекулятивные реалисты представляют собой комическое примечание к этой истории — повторение в виде фарса. Это Луи Бонапарты метафизики.

Французская «критическая теория» была продуктом рецепции разнородного в философском плане корпуса теоретических текстов из Франции отделениями литературы в англо-американской академии, где критицизм был сложившейся литературной стратегией. Критическая теория Франкфуртской школы, напротив, была и самоназванием, и объектом эксплицитной и постоянной теоретической рефлексии. Как следствие, если в первом случае акцент делался на теорию в целом и ключевой была оппозиция между теоретическими и а-теоретическими или анти-теоретическими (повседневными или эстетическими) интерпретативными практиками, то во втором случае акцент делался на критицизме или критике (*Kritik*), а главную оппозицию составляли «традиционная» и «критическая» теории.

Истоком франкфуртской идеи критической теории стал критический поворот в самопонимании работы Института социальных исследований во Франкфурте в 1937 году. Он нашел свое выражение в известной статье Макса Хоркхаймера «Традиционная и критическая теория». Статья отталкивалась от вопроса «Что такое теория?»¹⁵ Хоркхаймер использовал термин «критическая теория» для обозначения того, что можно было бы назвать «негативным» поворотом в его концепции исторического материализма как междисциплинарной социальной теории. Для его гегельянской методологии (диалектической тотализации результатов позитивных наук) это было следствием его неспособности увидеть образ будущего в настоящем (результат деградации коммунизма в Советском Союзе), с точки зрения которого тотальность могла бы быть унифицирована. «Негативный» поворот предполагал преобразование самой «критической активности» в «субъект» теории, который вследствие этого соотносился с тотальностью только негативно, как чисто спекулятивная методологическая позиция критики настоящего. Это «немецкая» теория в том смысле, что она представляет собой философское наследие сильной программы немецкого идеализма в рамках диалектически междисциплинарной социальной теории, впервые провозглашенной Энгельсом в 1888 году в работе «Людвиг Фейербах и выход из классической немецкой философии» (стандартный перевод *Ausgang* как «конец» в названии этой книги стал причиной вековой философ-

15. *Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Critical Theory: Selected Essays. N.Y.: Continuum, 1972. P. 188–252.*

ской путаницы)¹⁶. Моделью «критики» здесь послужила критика политической экономии Маркса: совпадение философской универсальности с исторической проекцией практики через критическое отношение к специализированной науке, хотя и в форме, в которой критическая активность («теоретическая рефлексия») замещает на данный момент отсутствующую политику освобождения во всемирно-историческом масштабе.

В истории Франкфуртской школы «критическая теория» в том техническом смысле, который ей придал Хоркхаймер, просуществовала лишь около трех лет (в 1937–1940 годах), после чего ее сменила критика инструментального разума, ставшая основанием протоисторического нарратива «Диалектики просвещения»¹⁷. Критика инструментального разума не является «критической теорией» в аспекте «теории» в том смысле, в каком это понятие получает свое значение из противопоставления «традиционной теории». У нее больше сходств с «критикой» в кантовском смысле слова (уж точно *не* являющейся теорией как таковой), хотя в данном случае она занимает дискурсивное пространство теоретического другими средствами, например с помощью литературно-философского конструктивизма романтического фрагмента. Отсюда, к примеру, подзаголовок «Диалектики просвещения» — «Философские фрагменты», — напоминающий о Сёрене Кьеркегоре. В начале 1960-х годов в ответ на этот романтизм и порой почти шопенгауэровский пессимизм молодой Юрген Хабермас возрождает раннюю программу Института во Франкфурте (1930-е годы) — проект междисциплинарного материализма (предтечи критической теории) Хоркхаймера. В этой программе в сжатом виде представлена методологическая модель преодоления очевидного тупика, в который зашла философия, сознающая лишь собственную критику, — речь о чисто негативной реконструкции философии в «Негативной диалектике» Адорно (1966 год). Работа Хабермаса «Между философией и наукой: марксизм как критика» выходит в свет в 1963 году. В том же году публикуется «О материалистической диалектике» Альтюссера. Если и можно говорить о годе рождения теории в ее современном смысле, то это именно 1963 год. Это возрождение ранним Хабермасом

16. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 6.

17. *Dubiel H.* Theory and Politics: Studies in the Development of Critical Theory // B. Gregg (trans.). Cambridge, MA: MIT Press, 1985; *Horkheimer M.* Eclipse of Reason. L.: Continuum, 2004; *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум Ювента, 1997.

«марксизма как критики» впоследствии было развито в модель критики как «единства знания и интереса» в квазитрансценденталистской работе «Познание и интерес» (1968 год). Однако это была герменевтически усеченная концепция психоанализа, представлявшая модель критической теории (а не критику политической экономики), в которой индивидуальный субъект соотносился с политической общностью только посредством слабой аналогии или трансцендентально идеальных условий дискурсивной этики. В этом отношении раскол, произошедший во франкфуртской критической традиции в 1968 году, предвосхитил (в иной форме) психоаналитическую переориентацию политического мышления, к которой позднее прибегли (особенно через Джудит Батлер и Славоя Жижека) некоторые представители англоязычной версии французской традиции. «После 1968-го» и своего известного заявления о «фашистских» элементах в немецком студенческом радикализме Хабермас покидает траекторию прежней критической теории и движется в сторону реставрации либеральной кантианской политической философии и философии права путем трансцендентализации американского прагматизма и создания теории «коммуникативного действия»¹⁸. Следующее поколение Франкфуртской школы¹⁹ оставалось в рамках тех же широких параметров, определявших это одновременно теоретическое и политическое отступление.

Тем временем работа Адорно с парадоксальным названием «Эстетическая теория»²⁰, опубликованная в 1970 году посмертно и размещившаяся где-то между философской критикой искусства и построением исторической теории искусства, постепенно приобрела статус важнейшей немецкоязычной философской работы второй половины XX века. Если и есть во франкфуртской традиции *модель* теории, все еще интеллектуально активная сегодня, то она воплощена в этом исключительном и тематически узком тексте. В то же время произошел всплеск философской и общетеоретической значимости трудов Вальтера Беньямина — после запоздалой публикации в 1982 году заметок и материалов, состав-

18. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action: In 2 vols. Cambridge: Polity Press, 1987–1991; *Idem.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.

19. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge: Polity Press, 1995; *Wellmer A.* Endgames: The Irreconcilable Nature of Modernity. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

20. *Адорно Т.* Эстетическая теория / Пер. с нем. А. В. Дранова. М.: Республика, 2001.

ляющих его «Проект аркад» (1927–1939 годы)²¹. Творчество Бенямина все больше предстает в качестве богатейшего, сложнейшего и самого «живого» источника критико-теоретической интуиции немецкой традиции XX века. Но оно сопротивляется ассимиляции в англоязычный контекст «теории» и ее последствий (частично из-за своего изоцированного, но недооцененного философского характера). Дерридианская интерпретация Бенямина, преимущественно через деконструктивистское прочтение «мессианского»²², слишком избирательна и, что гораздо важнее, отсекает спекулятивный аспект мысли Бенямина от критического отношения к множественности знаний, которое придает ей конкретное историческое и политическое значение. Если оставить в стороне «Эстетическую теорию», то франкфуртская традиция поплатилась за свою неудачу в поддержании активных отношений с «позитивными» дисциплинами гуманитарных и социальных наук мстостью со стороны философии — так же, как это произошло с французской традицией. Правда, в случае первой философия была искренне либеральной и постаналитической (то есть сфокусированной почти исключительно на проблемах нормативности), а не оставлено радикальной и фундаментально онтологической.

Если не вдаваться в подробности, то у главных французской и немецкой линий критической теории есть общая отправная (марксизм) и конечная (философия) точки, хотя траектории, по которым они следуют, радикально отличаются, как и философии, к которым они приходят. Франкфуртский вариант теории (и его мнимое продолжение) сознательно занимает постгегельянскую и антихайдеггерианскую позицию, тогда как французская теория в этом вопросе упорно настаивает на антигегельянстве и в целом придерживается постхайдеггерианской позиции даже в своих марксистских вариантах (теоретический антигуманизм). Как писал в конце 1980-х годов Жан-Люк Нанси, «„французская“ мысль сегодня отчасти происходит из „немецкого“ разрыва с определенной частью философской „Франции“ (которая также является разрывом с определенной „немецкостью“)²³.

21. Benjamin W. *The Arcades Project* / H. Eiland, K. McLaughlin (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

22. Derrida J. *Force of Law: The “Mystical Foundations of Authority” // Deconstruction and the Possibility of Justice* / D. Cornell et al. (eds). L.: Routledge, 1992. Pt 2. P. 3–67; Weber S. *Benjamin’s Abilities*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008.

23. Nancy J.-L. *Introduction // Who Comes After the Subject?* / E. Cadava et al. (eds). N.Y.: Routledge, 1991. P. 3.

Именно этот перенесенный германизм французской мысли конца XX века, ассоциируемой с Ницше и Хайдеггером, был объектом критики в печально известной работе Хабермаса «Философский дискурс о модерне»²⁴ 1985 года (в которой он также критиковал «Диалектику просвещения» как ницшеанский текст), причем в контексте чрезвычайной успешности в Германии квазифранцузского ницшеанства книги Петера Слотердайка «Критика цинического разума» (1983)²⁵, которая в каком-то отношении подготовила почву для восприятия Делёза в Германии.

Тем не менее благодаря этим полемикам общие для обеих традиций «теории» координаты задают поле, которое характеризуется рядом общих черт:

- 1) подозрение философии в самодостаточности, проистекающее из мышления Маркса, Ницше и Фрейда (трех «учителей подозрения» Поля Рикёра), а также желание продолжить классический философский проект другими средствами;
- 2) последовательная ориентация на анти-, меж- и трансдисциплинарные объекты, причем они необязательно эксплицитно понимаются в качестве таковых;
- 3) открытость по отношению к тексту, связанному с рецепцией литературного модернизма, осознающего свои корни в философском романтизме;
- 4) критическое отношение к сложившимся формам западных капиталистических обществ;
- 5) лежащий в основе трансформированный рационализм.

На определенном уровне абстракции этого достаточно для того, чтобы выделить общую проблематику.

Более того, с точки зрения понятий обсуждаемой теории мораль обеих историй во многом схожа: императив критического отношения к философии, из которого обе линии теории произошли, при условии, что теоретические практики не сводятся к ранее установленным партикуляристским режимам. Это предполагает необходимость развития *анти-дисциплинарной* и *трансдисциплинарной* концепций философии как двойной практики *критики и конструирования*, в которой первостепенное значение

24. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003.

25. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009.

имеет теоретическая рефлексия над не-философским материалом. Или, другими словами, *нет адекватной «теории»* (в смысле общей теории), как и нет адекватной философии *без рефлексии над ее связями как с историей философии, так и с критикой самодостаточной философии*. Теория не может быть жизнеспособной практикой, оставаясь лишь ученой рефлексией (не говоря уже о простом цитировании) над философскими текстами, в которую теория в значительной степени и выродилась вследствие перехода англоязычной издательской индустрии от продажи теорий к продаже теоретиков — перехода, который соответствует смене читателя как производителя читателем как потребителем.

Если «теория после Теории» должна стать философией, вернее, одним из аспектов философствования (не философией до Теории, а философствованием «после» критик самодостаточной философии и Теории), можно сказать, *офилософствованием «Теории»*, то теория после Теории будет элементом концептуального конструирования в трансдисциплинарном философствовании. Это философствование без *дисциплинарных* ограничений (но *не без* любых границ), поскольку это открывает философию испытанию опытом. На что могло бы быть похоже такое рефлексивное в философском плане теоретизирование? Один из вариантов — обратиться к эволюционной динамике, о которой идет речь, когда интеллектуальное настоящее учреждается как «то-что-после» некоторого предположительно завершенного периода, открытое для будущего, которое еще предстоит определить: логика «пост-» в его более положительном, обращенном в будущее обличье как *логика нового*.

Философия после Теории: проблема «нового»

В качестве критики самодостаточной философии и (в особенности в случае Мишеля Фуко) культурного господства истории философии в истории идей «теория» утверждала себя в образе интеллектуальной формы нового: не просто модерн своего времени, но его авангард²⁶. Сама идея «теории после „теории“» представляет повтор ставшей теперь классической авангардистской логики темпорального отрицания. Какой должна быть теория после «теории», будет в основном (но не только) определяться характером этого отрицания. Более того, если такая теория, или, лучше было бы сказать, «теоретизирование», должна соответствовать принципам

26. *ffrench P.* The Time of Theory: A History of Tel Quel (1960–1983). Oxford: Clarendon Press, 1995.

диалектического присвоения и трансцендирования, скрытым в исторической логике, которая предполагается этим «после», то в теорию необходимо будет включить объяснение ее собственного развития, объяснение «нового». «Новое» во многих отношениях является парадигмой трансдисциплинарного философского концепта. Как время-определение, «новое» — это одновременно философское и историческое понятие. Оно работает в теоретических областях искусства, культуры, экономики и политики (можно было бы сказать, что оно их сверхдетерминирует). И все же новое — это в основном категория философии истории, поскольку оно унифицирует связи между этими областями. Более того, оно представляет собой центральную категорию философии истории современности. Темпоральность нового определяет современность как историческую эпоху. Конкурирующие концепции нового, таким образом, служат как для размещения философских теорий в поле философии истории, так и для указания тем самым на различные способы размещения самого этого поля в более широких тематических рамках, к примеру таких, как связь с природой или более фундаментальными онтологическими категориями бытия и становления.

Таким образом, для постгегельянских модернистов вроде Беньямина и Адорно понятие нового проблематизирует и трансформирует понятие истории, делая его мессианским или апокритическим соответственно²⁷. Напротив, для такого антигегельянца, как Делёз, «вопрос о новом... занимает место вопроса истории»²⁸. Это ключевая черта онтологического монизма (можно было бы назвать его своего рода натурализмом), характерного для делёзовского мышления о времени. Для Делёза «различие», «жизнь», «событие» и «новое» относятся в конечном счете к одному онтологически недифференцированному процессу. Таким образом, конкурирующие концепции нового находятся на распутье философии истории и философии времени, ведя борьбу вокруг самой возможности «истории» как философского понятия. Этот узел является также узлом наиболее важных в политическом отношении проблем, местом теоретизирования о будущем. Ведь в философско-политических терминах будущее есть в той мере, в какой есть качественная историческая новизна — не про-

27. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003; Беньямин В. О понятии истории // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГУ, 2012.

28. Marrati P. Life and Event: Deleuze on Newness // A Time for the Humanities: Futurity and the Limits of Autonomy / J. J. Bono et al. (eds). N.Y.: Fordham University Press, 2008. P. 21. Курсив удален.

сто в смысле новых происшествий или новых «событий» (чем бы ни оказывались эти «события» — это важный и спорный в нашем контексте вопрос), но в смысле перемен в динамике исторической темпорализации, которые влияют на экзистенциально-онтологический характер самого человека. Понятие истории в конечном счете призвано осмыслить именно такого рода фундаментальные политические перемены. По словам Антонио Негри, время — это «материя, из которой сделан коммунизм»²⁹, хотя еще предстоит выяснить, что значит здесь «время как материальное». Таким образом, на этом уровне абстракции можно выделить общую проблематику, определяющую характер различий между «французской» и «немецкой» традициями теории. А внутри этой общей проблематики можно найти проблематику нового, обусловившую некоторые из решающих философских различий (к примеру, между Делёзом и Адорно). Каждая из традиций принимает явно постромантическую форму, отчасти посредством рефлексии над дизъюнктивными конъюнкциями Маркса, Ницше и модернизма³⁰.

Одним из важных результатов такого подчинения истории темпоральности нового (как бы она в точности ни понималась) является изменение понятия традиции и, следовательно, смысла, в котором можно говорить о философских, или теоретических, традициях современности — в данном случае («немецкой») постгегельянской в противовес («французской») антигегельянской. Философские традиции перестают пониматься как формы интеллектуальной преемственности, воспроизводимые передачей авторитетных текстов, принципов и процедур из поколения в поколение. Они становятся осознанно ретроспективными конструкциями преемственности, которые сверхдетерминированы выявленными нуждами философского настоящего; плодами парадоксального «выбора» авторитетов от философии, желающих иных философских (и социальных) перспектив. То есть традиции становятся

29. *Negri A. Constitution of Time // Time for Revolution. L.: Continuum, 2003. P. 47.*

30. *Osborne P. Modernism and Philosophy // The Oxford Handbook of Modernisms / P. Brooker et al. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 388–409.* Эта проблематика распространяется за пределы франко-германской теоретической оси, обеспечивая одну из унифицирующих форм все более транснациональной области «теории», в которой возрастающую роль играют итальянские теоретики (см.: *The Italian Difference: Between Nihilism and Biopolitics / L. Chiesa, A. Toscano (eds). Melbourne: re.press, 2009).*

генеалогическими в строго ницшеанско-фукианском смысле слова: подчиненными тому, что Фуко назвал критическими онтологиями настоящего, и дающими средства для их артикуляции. Такова темпорально-онтологическая истина, лежащая в основе того, что часто проявляется как поверхностный и политически конъюнктурный «прагматизм». По словам Ницше, «в объяснении прошлого вы должны исходить из того, что составляет высшую силу современности»³¹. Именно притязания на будущее отличают прагматизм Ницше от прагматизмов в узком смысле, редуцированно «презентистских» по характеру³²: притязания на будущее требуют тотализации прошлого. Генеалогия — это модернистская историография. Хайдеггер, Беньямин и Делёз являются прекрасными примерами полемически настроенных генеалогических историков философии, проделавших огромную герменевтическую работу по конструированию новых «традиций», исходя из которых становится возможным их собственный труд. Хотя при этом хайдеггеровская история философии и в целом феноменология (бывшая для Хайдеггера его «философской современностью») еще и представляет собой пример регресса (посредством определенных протокатолических институциональных форм) к общепризнанному авторитету в рамках философской современности.

Противопоставляя постгегельянскую философскую традицию антигегельянской, я отсылаю к двум сложно устроенным конкурирующим философским линиям (назовем их пока диалектической и антидиалектической). В том виде, в каком они приняты сейчас в англоязычной литературе, эти линии были во многом ретроспективным «изобретением» французского философского воображаемого 1960-х годов — они были порождены в свете европейской философии начиная с 1920-х годов с антипатиями, спроецированными на период середины XIX века (1830–1870-е годы). Кроме того, после 1968 года это разделение все чаще воспроизводилось и легитимировалось обеими сторонами во имя «новизны». Так, с точки зрения антигегельянского авангарда образование гегельянство/диалектика/ортодоксальный марксизм (сплавленные здесь в единое целое) не просто «устарело» относительно философского и политического настоящего. Именно его концепция «нового» как продукта диалектического отрицания была основным симптомом

31. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 198.

32. Osborne P. "Whoever Speaks of Culture Speaks of Administration as Well". P. 43–44.

этой «архаизации», то есть причиной предполагаемой структурной неспособности мыслить новое как «радикальное», «прорывное», «творчески» новое. Философии различия, говоря упрощенно, представляют диалектическую мысль в терминах *тождества, того же самого, тотальности* (понятия, находящиеся в диалектическом отношении), чтобы закрепить за антидиалектическими философиями *различие, инаковость, сингулярность и незавершенность*. Напротив, с точки зрения постгегельянской линии антидиалектическое понимание нового как чистого различия или чистого события выглядит как побег от истории: структуралистское или постструктуралистское отрицание истории³³, отбрасывающее (в философском смысле) только назад — к различным формам и комбинациям «старого», то есть посткантианских позитивизмов и онто-теологий события. Отмежевываясь от гегелевской диалектики (являющейся главным объектом антипатии антигегельянцев) посредством диалектического отрицания, конституирующего собственное последствие, постгегельянская линия связывает себя с «новыми», открытыми или неустоявшимися диалектическими формами опыта, будь то проторомантические (Беньямин), негативные (Адорно) или «конкретные» (Карел Косик) формы. Однако с точки зрения антигегельянства таким постгегельянским формам не удастся в достаточной мере отмежеваться от концептуальности гегелевской диалектики. Так что спор продолжается...

Это генеалогическое подчинение истории настоящему как новому в то же время с необходимостью подчиняет ее проблематике субъекта. Ведь ведущая проблематика философии субъекта состоит не в отношении субъекта к «сознанию» или «разуму» (как можно было бы подумать), а в его отношении ко времени — в конце концов, это так даже для самого Канта³⁴. А субъект современности — это коллективный субъект. По словам Рикёра, «воссоздавая... полную и точную формулировку» понятия современности, «говорят и пишут „наша“ современность»³⁵. А говорить и писать «наша» современность в философском смысле можно, только постулируя гегелевское «Я, которое есть Мы, и Мы, которое есть Я»

33. Schmidt A. History and Structure: An Essay on Hegelian-Marxist and Structuralist Theories of History. MA: MIT Press, 1983. P. 108.

34. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Гнозис — русское феноменологическое общество, 1997.

35. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. С. 429.

в качестве спекулятивного субъекта современности³⁶. «Современность» стала философским понятием в тот момент, когда начала обозначать темпоральную структуру опыта этого субъекта — «историю» в первом лице множественного числа. Однако она стала центральной категорией философии истории, трансформированной в философию исторического времени, только после критики гегелевского Абсолюта, в котором, как всегда настаивали его критики, время в конечном счете оказывается под запретом³⁷. В конце концов, сам Рикёр на деле предпочитает современности это аннулирование времени, ясно показывая, что в философии истории остаются только два варианта: после Гегеля есть либо современность, либо философия религии. Третьего не дано.

Обобщая, мы можем сказать следующее: современность становится центральной категорией философии истории благодаря *изъятию формальной структуры темпорального отрицания из тотализированного нарратива необходимого развития* в гегелевской философии истории. Изъятая из телеологических нарративов необходимого развития, эта формальная структура темпорального отрицания и *есть* новое. Модернизмы (как «-измы») суть утверждения этой формальной темпоральной структуры нового в условиях определенных отрицаний. Разные варианты авангарда утверждают эту формальную темпоральную структуру нового вкупе с сопутствующими ей отрицаниями исходя из политически определенных вариантов будущего. В этом отношении, в движении от «Теории» к теоретическим практикам, которые сейчас господствуют на все более и более транснациональном англоязычном рынке гуманитарных наук, мы наблюдаем двойной отход: во-первых, от «теории» как авангарда к всеобщему модернизму теории (с акцентом на настоящем как отрицании прошлого) и, во-вторых, от модернизма теории к иллюзорному настоящему пространства «со-временного». Большая часть того, что сейчас считается теорией (особенно в вырожденной форме циркуляции «продаваемых имен»), стремится быть современной — объединить времена пространств, к которым она обращается дискурсивно, с помощью своего способа обращения, а не просто посредством отношений обмена, сообщающих такой современности ее актуальность. Однако изредка она приостанавливается, чтобы задуматься о философской структуре современности, о той транс-

36. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.

37. Фейербах Л. К критике гегелевской философии // Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 1.

цендентальной иллюзии со-присутствия, которую современность в себе несет³⁸, или о ее связи с идеей нового. Лишь философски подкованный трансдисциплинарный теоретический дискурс адекватен этой задаче. Он требует нового сведения счетов между постгегельянскими и антигегельянскими позициями — сведения счетов, которое вернется к самым базовым философским ставкам, сделанным ими в споре о мышлении нового (отрицанию, утверждению и связи между ними) в контексте конкретных форм, слу-чаев и коннотаций нового.

Проблема нового, сделавшая его общетеоретической категори-ей трансдисциплинарного философствования, проста: «Как мыслить „новизну“ нового?» То есть как помыслить трансцендиро-вание новым его условий в качестве «новизны», не сводя ее при этом: (1) ни к отношению отрицания этих условий (то есть форме зависимости), (2) ни к чистой трансценденции квазитеологиче-ского «творения»? Другими словами, в чем состоит имманентная, а не исключительно реляционная доступность новизны нового? Очевидно, часть ответа содержится в «утверждении»: новое есть *утвердительный* модус отрицания, иначе называемого (у Ницше, Хайдеггера, Бенямина и Делёза) «деструкцией». Это ключевая часть утверждения нового, но только часть, ибо, пока деструкция расчищает пространство для нового, позитивность этой специ-фической новизны все еще нуждается в объяснении. Как имен-но утверждение нового относится к его отрицанию старого? Этой темпорально-онтологической проблемы не может избежать ни-какое мышление о будущем теории. В концептуальном плане она требует обновленного исследования основополагающих сходств между Гегелем и Ницше — в глубинах их мышления, именно там, где они кажутся более всего противостоящими друг другу³⁹. В историческом плане эта проблема требует философии о нефило-софском опыте и исходя из него. Именно здесь примером высту-пает позднее творчество Бенямина со своими теоретико-поли-

38. Osborne P. The Fiction of the Contemporary: Speculative Collectivity and Transnationality in The Atlas Group // Aesthetics and Contemporary Art / A. Avanesian, L. Skrebowski (eds). B.: Sternberg Press, 2011.

39. Ср.: «Философия Ницше дистанцируется от диалектической философии не столько путем ее оспаривания, сколько через ее повторение», а имен-но: повторением основных понятий или моментов, которые она отклоня-ет... идеи противоречия, идеи выхода за пределы, идеи переоценки, идеи тотальности и, прежде всего, идеи циркулярности, истины или утвержде-ния как круга» (Blanchot M. The Infinite Conversation / S. Hanson (trans.). Minneapolis: Minnesota University Press, 1993. P. 159).

тическими целями. И именно здесь в сотрудничестве с Гваттари в двухтомном «Капитализме и шизофрении»⁴⁰ письмо Делёза дистанцируется от классической метафизической проблематики, которую оно в иных случаях делит с Бадью и к которой Бадью предлагает свести мысль Делёза⁴¹.

В книге «Что такое философия?» утверждается:

История философии требует оценивать не только историческую новизну концептов, созданных тем или иным философом, но и силу их становления в процессе их взаимопереходов⁴².

В качестве примера там приводится объединенное производство времени, пространства и *cogito* в текстах Канта. Изменения в концептах пространства и времени произвели новый концепт *cogito*. Мое предположение заключается в том, что, критически размышляя над общепринятыми оппозициями между отрицанием и утверждением в контексте истории нового, мы можем поразмыслить и над объединенным производством новых концептов отрицания, утверждения и нового. Иными словами, новое можно было бы заставить *работать* на концепты отрицания и утверждения и *изменять* их — из его двусмысленного расположения где-то между онтологическим и социально-историческим «регионами». Такая позиция отвергает любой прямо установленный смысл исторически онтологического, не в последнюю очередь потому, что она радикализует проблему будущего, проблематизируя тем самым даже ретроактивные онтологизации исторического. Она категорически отказывается во внутренней природе конвенционально выстроенному философскому полю, характерному для кантовских серий, о которых шла речь в книге «Что такое философия?» Взамен эта позиция утверждает открытость философски подкованного теоретического дискурса настоящему как целому. Это траектория, для которой «Проект аркад» Беньямина и «Капитализм и шизофрения» Делёза и Гваттари предлагают нам не лишённые недостатков, но жизнеспособные модели — модели, сохраняющие в теоретической работе стремление как к истине, так и к преобразованию опыта.

40. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007; *Они же*. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

41. Бадью А. Делёз. Шум бытия / Пер. с фр. Д. Скопина. М.: Прагматика культуры; Логос-Альтера, 2004.

42. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетея, 1998. С. 46.

Библиография

- Alizart M., Kihm C. *Fresh Theorie*. P.: Editions Leo Scheer, 2005.
- Alizart M., Nicolin P., Zaoui P., Ronell A. *Fresh Theorie II: Black Album*. P.: Editions Leo Scheer, 2006.
- Althusser L. *Remarks on the Terminology Adopted* // Idem. *For Marx*. L.: New Left Books, 1977. P. 162.
- Benjamin W. *The Arcades Project*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Blanchot M. *The Infinite Conversation*. Minneapolis: Minnesota University Press, 1993.
- Butler J. *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. L.: Verso, 2004.
- Critchley S. *Infinitely Demanding: Ethics of Commitment, Politics of Resistance*. L.: Verso, 2007.
- Cussett F. *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co Transformed the Intellectual Life of the United States*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
- Derrida J. *Force of Law: The "Mystical Foundations of Authority"* // *Deconstruction and the Possibility of Justice* / D. Cornell, M. Rosenfeld, D. G. Carlson (eds). L.: Routledge, 1992. P. 3–67.
- Dollimore J. *Wishful Theory and Sexual Politics* // *Radical Philosophy*. 2000. Vol. 103. P. 18–24.
- Dosse F., Glassman D. *History of Structuralism*: In 2 vols. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
- Dubiel H. *Theory and Politics: Studies in the Development of Critical Theory*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985.
- French P. *The Time of Theory: A History of Tel Quel (1960–1983)*. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Gasche R. *The Honor of Thinking: Theory, Philosophy, Criticism*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007.
- Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*: In 2 vols. Cambridge: Polity Press, 1987–1991.
- Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Horkheimer M. *Eclipse of Reason*. L.: Continuum, 2004.
- Horkheimer M. *Traditional and Critical Theory* // *Critical Theory: Selected Essays*. N.Y.: Continuum, 1972. P. 188–252.
- Lecourt D. *Marxism and Epistemology: Bachelard, Canguilhem and Foucault*. L.: New Left Books, 1975.
- Marrati P. *Life and Event: Deleuze on Newness* // *A Time for the Humanities: Futurity and the Limits of Autonomy* / J. J. Bono, T. Dean, E. P. Ziarek (eds). N.Y.: Fordham University Press, 2008.
- Nancy J.-L. *Introduction* // *Who Comes After the Subject?* / E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy (eds). N.Y.: Routledge, 1991. P. 1–8.
- Negri A. *Time for Revolution*. L.: Continuum, 2003.
- Osborne P. "Whoever Speaks of Culture Speaks of Administration as Well": *Disputing Pragmatism in Cultural Studies* // *Cultural Studies*. 2006. Vol. 60. № 1. P. 33–47.

- Osborne P. A Sudden Topicality: Marx, Nietzsche and the Politics of Crisis // *Radical Philosophy*. 2010. Vol. 160. P. 19–26.
- Osborne P. Modernism and Philosophy // *The Oxford Handbook of Modernisms* / P. Brooker, A. Gasiorek, D. Longworth, A. Thacker (eds). Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 388–409.
- Osborne P. Neo-Classic: Alain Badiou's Being and Event // *Radical Philosophy*. 2007. Vol. 142. P. 19–29.
- Osborne P. Philosophy after Theory: Transdisciplinarity and the New // *Theory after "Theory"* / J. Elliott, D. Attridge (eds). L.: Routledge, 2011. P. 19–33.
- Osborne P. Philosophy in Cultural Theory // *Idem. Philosophy in Cultural Theory*. L.: Routledge, 2000. P. 1–19.
- Osborne P. The Fiction of the Contemporary: Speculative Collectivity and Transnationality in The Atlas Group // *Aesthetics and Contemporary Art* / A. Avanesian, L. Skrebowski (eds). B.: Sternberg Press, 2011.
- Ranciere J. *On the Shores of Politics*. L.: Verso, 1995.
- Schmidt A. *History and Structure: An Essay on Hegelian-Marxist and Structuralist Theories of History*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983.
- The Italian Difference: Between Nihilism and Biopolitics / L. Chiesa, A. Toscano (eds). Melbourne: re.press, 2009.
- Weber S. *Benjamin's Abilities*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008.
- Wellmer A. *Endgames: The Irreconcilable Nature of Modernity*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Wiggershaus R. *The Frankfurt School: Its History, Theories and Politics*. Cambridge: Polity Press, 1994.
- Žižek S. *Organs Without Bodies: On Deleuze and Consequences*. N.Y.: Routledge, 2004.
- Адорно Т. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир, 2003.
- Адорно Т. *Эстетическая теория*. М.: Республика, 2001.
- Бадью А. *Делёз. Шум бытия*. М.: Прагматика культуры; Логос-Альтера, 2004.
- Беньямин В. *О понятии истории // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012.
- Гегель Г. В. Ф. *Феноменология духа*. М.: Наука, 2000.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* СПб.: Алетейя, 1998.
- Жижек С. *Щекотливый субъект*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
- Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Они же. Избр. соч.: В 9 т. Т. 2*. М.: Политиздат, 1985.
- Ницше Ф. *О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: В 2 т. Т. 1*. М.: Мысль, 1990.
- Рикёр П. *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
- Слотердаjk П. *Критика цинического разума*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009.
- Фейербах Л. *К критике гегелевской философии // Соч.: В 2 т. Т. 1*. М.: Наука, 1995.

- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
- Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум Ювента, 1997.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.: Политиздат, 1987.

PETER OSBORNE. Professor of Modern Philosophy, p.osborne@kingston.ac.uk.
Faculty of Arts and Social Sciences, Kingston University (KUL), Penrhyn rd,
Kingston upon Thames, Surrey KT1 2EE, UK.

Keywords: theory; critique; self-sufficiency; trans-disciplinarity; the new;
temporality.

This article traces the historical development of “Theory with capital ‘T’” (critical theory) and its various interpretations, focusing on the Frankfurt School and French critical theory. The article examines the origins and main discussions of each school. The author analyzes the reception of the French interpretation of Theory in Anglo-phone humanities in the 1970s, reviews the transformation of “theory” as a result of that reception, and examines the rejection of doctrine by “theory,” which, in turn, made “theory” itself anti-theoretical. The opposition of “T\theory” and disciplinarity and the revival of Marxism as critique by the Frankfurt School is also considered. The author claims that both the French and German versions of critical theory stem from Marxism, but arrive at differing philosophies. Nevertheless, the author highlights some common features shared by both these traditions, which include suspicion of the self-sufficiency of philosophy, a consequent orientation towards anti-, inter- and trans-disciplinary objects, an openness to the general text of writing, a critical attitude towards the established forms of Western capitalist societies, and an underlying, transformed rationalism.

The latter half of the paper addresses the problem of “the new” (“How to think the ‘newness’ of the new?”) and approaches to it in the framework of critical theory. The author considers the connection between the problems of the new with philosophy of history and with philosophy of time, and examines in this context the opposition between post-Hegelian and anti-Hegelian philosophical traditions. The author analyzes the relationship between affirming the new, rejecting the old, the historical implications, and the conceptual implications (a renewed investigation of the affinities between Hegel’s and Nietzsche’s thought).

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-199-222

References

- Adorno T. *Esteticheskaia teoriia* [Ästhetische Theorie], Moscow, Respublika, 2001.
- Adorno T. *Negativnaia dialektika* [Negative Dialektik], Moscow, Nauchnyi mir, 2003.
- Alizart M., Kihm C. *Fresh Theorie*, Paris, Editions Leo Scheer, 2005.
- Alizart M., Nicolin P., Zaoui P., Ronell A. *Fresh Theorie II: Black Album*, Paris, Editions Leo Scheer, 2006.
- Althusser L. *For Marx*, London, New Left Books, 1977.
- Badiou A. *Delez. Shum bytiia* [Deleuze. La clameur de l'être], Moscow, Pragmatika kul'tury, Logos-Al'tera, 2004.
- Benjamin W. O poniatii istorii [Über den Begriff der Geschichte]. *Uchenie o podobii. Mediaestheticheskie proizvedeniia* [Doctrine of the Similar. Mediaesthetic Works], Moscow, RSUH, 2012.

- Benjamin W. *The Arcades Project*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Blanchot M. *The Infinite Conversation*, Minneapolis, Minnesota University Press, 1993.
- Butler J. *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*, London, Verso, 2004.
- Critchley S. *Infinitely Demanding: Ethics of Commitment, Politics of Resistance*, London, Verso, 2007.
- Cussett F. *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co Transformed the Intellectual Life of the United States*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 2008.
- Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia* [L'Anti-Œdipe: Capitalisme et Schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, 2007.
- Deleuze G., Guattari F. *Chto takoe filosofii?* [Qu'est-ce que la philosophie?], Saint Petersburg, Aleteiia, 1998.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato. Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux. Capitalisme et Schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, Moscow, Astrel', 2010.
- Derrida J. Force of Law: The "Mystical Foundations of Authority." *Deconstruction and the Possibility of Justice* (eds D. Cornell, M. Rosenfeld, D. G. Carlson), London, Routledge, 1992, pp. 3–67.
- Dollimore J. Wishful Theory and Sexual Politics. *Radical Philosophy*, 2000, vol. 103, pp. 18–24.
- Dosse F., Glassman D. *History of Structuralism: In 2 vols*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1997.
- Dubiel H. *Theory and Politics: Studies in the Development of Critical Theory*, Cambridge, MA, MIT Press, 1985.
- Engels F. Liudvig Feierbakh i konets klassicheskoi nemetskoi filosofii [Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie]. In: Marx K., Engels F. *Izbr. soch.: V 9 t. T. 6* [Selected Works: In 9 vols. Vol. 6], Moscow, Politizdat, 1987.
- Feuerbach L. K kritike gegelevskoi filosofii [Zur Kritik der Hegelschen Philosophie]. *Soch.: V 2 t. T. 1* [Works: In 2 vols. Vol. 1], Moscow, Nauka, 1995.
- French P. *The Time of Theory: A History of Tel Quel (1960–1983)*, Oxford, Clarendon Press, 1995.
- Gasche R. *The Honor of Thinking: Theory, Philosophy, Criticism*, Stanford, CA, Stanford University Press, 2007.
- Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*, Cambridge, MA, MIT Press, 1996.
- Habermas J. *Filosofskii diskurs o moderne* [Der philosophische Diskurs der Moderne], Moscow, Ves' mir, 2003.
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action: In 2 vols*, Cambridge, Polity Press, 1987–1991.
- Hegel G. W. F. *Fenomenologiya dukha* [Phänomenologie des Geistes], Moscow, Nauka, 2000.
- Heidegger M. *Kant i problema metafiziki* [Kant und das Problem der Metaphysik], Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997.
- Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*, Cambridge, Polity Press, 1995.
- Horkheimer M. *Eclipse of Reason*, London, Continuum, 2004.

- Horkheimer M. Traditional and Critical Theory. *Critical Theory: Selected Essays*, New York, Continuum, 1972, pp. 188–252.
- Horkheimer M., Adorno T. W. *Dialektika Prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty* [Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente], Moscow, Saint Petersburg, Medium, Iuventa, 1997.
- Lecourt D. *Marxism and Epistemology: Bachelard, Canguilhem and Foucault*, London, New Left Books, 1975.
- Marrati P. Life and Event: Deleuze on Newness. *A Time for the Humanities: Futurity and the Limits of Autonomy* (eds J. J. Bono, T. Dean, E. P. Ziarek), New York, Fordham University Press, 2008.
- Marx K., Engels F. Nemetskaia ideologiya [Die deutsche Ideologie]. *Izbr. soch.: V 9 t. T. 2* [Selected Works: In 9 vols. Vol. 2], Moscow, Politizdat, 1985.
- Nancy J.-L. Introduction. *Who Comes After the Subject?* (eds E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy), New York, Routledge, 1991, pp. 1–8.
- Negri A. *Time for Revolution*, London, Continuum, 2003.
- Nietzsche F. O pol'ze i vrede istorii dlia zhizni [Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben]. *Soch.: V 2 t. T. 1* [Works: In 2 vols. Vol. 1], Moscow, Mysl', 1990.
- Osborne P. "Whoever Speaks of Culture Speaks of Administration as Well": Disputing Pragmatism in Cultural Studies. *Cultural Studies*, 2006, vol. 60, no. 1, pp. 33–47.
- Osborne P. A Sudden Topicality: Marx, Nietzsche and the Politics of Crisis. *Radical Philosophy*, 2010, vol. 160, pp. 19–26.
- Osborne P. Modernism and Philosophy. *The Oxford Handbook of Modernisms* (eds P. Brooker, A. Gasiorek, D. Longworth, A. Thacker), Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 388–409.
- Osborne P. Neo-Classic: Alain Badiou's Being and Event. *Radical Philosophy*, 2007, vol. 142, pp. 19–29.
- Osborne P. Philosophy after Theory: Transdisciplinarity and the New. *Theory After "Theory"* (eds J. Elliott, D. Attridge), London, Routledge, 2011, pp. 19–33.
- Osborne P. Philosophy in Cultural Theory. *Philosophy in Cultural Theory*, London, Routledge, 2000, pp. 1–19.
- Osborne P. The Fiction of the Contemporary: Speculative Collectivity and Transnationality in The Atlas Group. *Aesthetics and Contemporary Art* (eds A. Avanesian, L. Skrebowski), Berlin, Sternberg Press, 2011.
- Ranciere J. *On the Shores of Politics*, London, Verso, 1995.
- Ricœur P. *Pamiat', istoriia, zabvenie* [La mémoire, l'histoire, l'oubli], Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2004.
- Schmidt A. *History and Structure: An Essay on Hegelian-Marxist and Structuralist Theories of History*, Cambridge, MA, MIT Press, 1983.
- Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Kritik der zynischen Vernunft], Yekaterinburg, U-Faktoriia, Moscow, AST, 2009.
- The Italian Difference: Between Nihilism and Biopolitics* (eds L. Chiesa, A. Toscano), Melbourne, re.press, 2009.
- Weber S. *Benjamin's Abilities*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2008.
- Wellmer A. *Endgames: The Irreconcilable Nature of Modernity*, Cambridge, MA, MIT Press, 1998.
- Wiggershaus R. *The Frankfurt School: Its History, Theories and Politics*, Cambridge, Polity Press, 1994.

Žižek S. *Organs Without Bodies: On Deleuze and Consequences*, New York, Routledge, 2004.

Žižek S. *Shchekotlivyi sub'ekt* [The Ticklish Subject], Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2014.